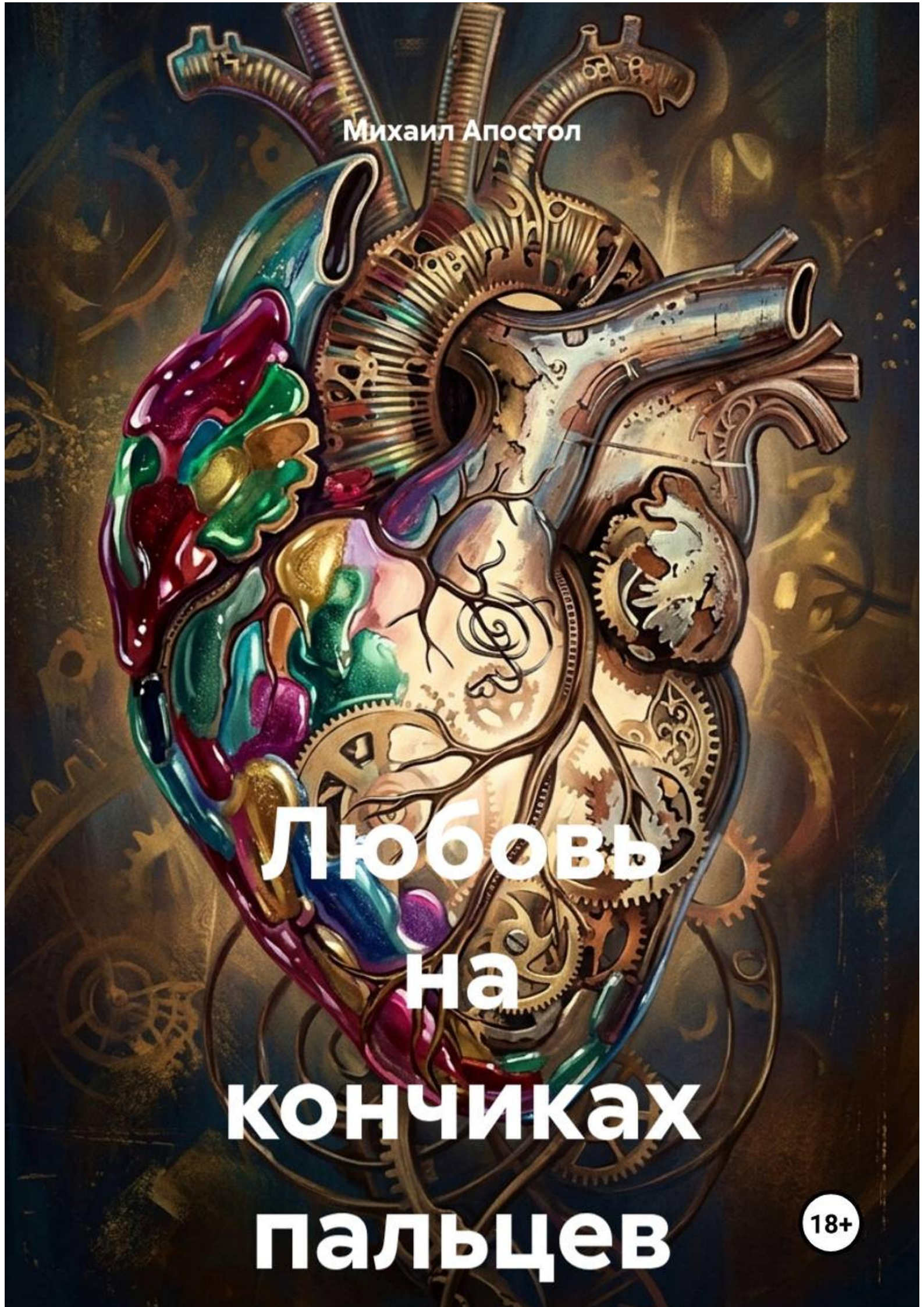

Михаил Апостол

**Любовь
на
кончиках
пальцев**

18+

Михаил Апостол

Любовь на кончиках пальцев

«Автор»

2026

Апостол М.

Любовь на кончиках пальцев / М. Апостол — «Автор», 2026

Первый роман, объединяющий эстетику бьюти-индустрии, мужскую иронию и глубокий разбор тревожно-избегающей привязанности. Света — бог идеального френча и королева катастрофических отношений. В своем кресле в салоне «Nail Nirvana» она мастерски исправляет чужие изъяны, но собственную жизнь привычно оставляет «на потом». Пока клиентки изливают душу, требуя «маникюр, чтобы он вернулся», Света пытается заглушить тягу к эмоциональным качелям и дофаминовым бурям, которые ей щедро поставяет очередной «яркий подонок». Но когда в её стерильном мире появляется Илья — мастер винтажных часов, чей взгляд спокойнее матового топа, — привычная система дает сбой. Это история о том, как трудно отличить скуку от стабильности и почему мы так боимся выйти из режима «драмы». Книга наполнена ироничными диалогами в стиле «Квартета И», тонкой психологией привязанности и честными ответами на вопрос: почему мы выбираем тех, кто нас не выбирает? Настало время снять старое покрытие и увидеть, что под ним

© Апостол М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Идеальный френч и неидеальная жизнь	5
Глава 2. Любовь по записи	11
Глава 3: Мужчина с хорошим началом	18
Глава 4: Он на диване (и не пытается понравиться)	25
Глава 5. Химия, которой нет	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Апостол

Любовь на кончиках пальцев

Глава 1: Идеальный френч и неидеальная жизнь

Запах в салоне «Nail Nirvana» всегда был одинаковым: смесь едкого метилметакрилата, свежемолотого кофе «арабика-робуста 80/20» и едва уловимого аромата дорогих духов, которые клиентки оставляли за собой, как шлейф несбывшихся обещаний. Для Светы этот запах был запахом контроля. Когда она брала в руки пушер или включала аппарат для маникюра, хаос внешнего мира — с его неоплаченными счетами, невнятными сообщениями в мессенджерах и экзистенциальным кризисом приближающегося тридцатилетия — послушно затихал.

Здесь, за столом №3, мир сужался до десяти ногтевых пластин. Здесь она была богом, хирургом и психотерапевтом в одном лице. Она могла исправить архитектуру, замаскировать трещины и создать иллюзию совершенства там, где природа явно сжалтурила. Жаль только, что в жизни нельзя было просто спилить всё лишнее фрезой «пламя» и покрыть сверху ровным слоем самовыравнивающегося топа.

— Светик, ну ты посмотри на это, — Маргарита, клиентка на 10:00, трагически взмахнула руками, едва не опрокинув подставку для кистей. — Это же не просто заусенец. Это символ моего падения. Я вчера сорвалась и залезла в его соцсети. Снова.

Света вздохнула, привычно натягивая маску и включая вытяжку. Гул мотора заполнил пространство, создавая уютный белый шум.

— И что мы там увидели, Рита? — Света аккуратно взяла руку клиентки. Пальцы Риты были тонкими, аристократичными, но кожа вокруг ногтей была безжалостно обкусана. Жертва тревоги.

— Новую, — выплюнула Рита, как будто это было название редкого вида паразита. — У неё ногти, Света. Такие... неоновые-розовые. Понимаешь? Квадрат! В наше-то время! И он лайкнул это. Человека, который носит кислотный розовый квадрат в тридцать два года! Я хочу, чтобы ты сделала мне что-то такое... Чтобы он понял, какую глубину он потерял. Сделай мне «френч», но такой, чтобы в нём была драма. Чтобы это было как... как у Ренаты Литвиновой, если бы она работала в разведке.

Света улыбнулась под маской. Это был классический запрос. В мире маникюра «сделайте мне так, чтобы он пожалел» занимал второе место после «сделайте что-нибудь на ваш вкус, но только не это, не то и не так».

— Рита, драма во френче — это вопрос миллиметров, — серьезно ответила Света, приступая к опилу формы. — Если мы сделаем линию улыбки слишком глубокой, это будет агрессия. Если слишком пологой — безразличие. Давай выберем классический миндаль и «пудровый нюд». Это транслирует: «У меня всё настолько хорошо, что мне даже не нужно ничего доказывать».

— Гениально, — прошептала Рита. — Ты — мой Кант. Мой Ницше с пилочкой 180 грит. Света начала работу. Вжик-вжик. Вжик-вжик.

В голове у Светы зазвучал голос внутреннего «Квартета И». Знаете, этот мужской коллективный разум, который в их фильмах обсуждает, почему мы делаем то, что делаем.

«Вот почему так?» — вопрошал голос Саши. — *«Почему женщина думает, что форма её ногтей может повлиять на когнитивные способности мужчины, который не может запомнить, что она не ест кинзу? Он же не увидит френч. Он увидит... ну, руки. Максимум — цвет. А она вкладывает в этот изгиб смысл всей своей жизни. Это как если бы мы, мужики, выби-

рали носки, чтобы бывшая поняла: мы осознали свои ошибки в отношениях 2018 года. Глупо? Глупо. Но мы же тоже так делаем, только с машинами или должностями».*

Света отогнала эти мысли. Ей нужно было сосредоточиться на кутикуле. Кутикула не прощала невнимательности. Один неверный поворот фрезы — и пойдет кровь. В маникюре, как и в любви, самое опасное — это когда ты слишком глубоко лезешь в надежде на идеальный результат.

— А Илья вчера заходил, — как бы невзначай бросила Лена, администратор, проходя мимо с чашкой кофе.

Света почувствовала, как рука на мгновение дрогнула. К счастью, фреза в этот момент была выключена.

Илья. Постоянный «не-клиент» их салона. Он владел небольшой мастерской по ремонту винтажных часов в соседнем здании. Иногда он заходил «на кофе», иногда приносил Лене или Свете какие-то мелочи: то зарядку, которую они забыли, то совет по поводу сломавшегося замка.

— И что? — Света постаралась, чтобы голос звучал максимально ровно. — Принес часы?

— Нет, — Лена хитро прищурилась. — Спрашивал, когда у тебя окно. Сказал, что у него «есть что-то, что требует твоего взгляда».

— Наверняка очередная шестеренка, которую он хочет мне показать как пример «идеальной симметрии», — проворчала Света, хотя внутри что-то предательски потеплело.

Илья был странным. В мире Светы, где мужчины обычно делились на «ярких подонков» (которые писали в три часа ночи «спишь?») и исчезали на неделю) и «удобных скучных» (которые планировали поход в кино за месяц и пахли старым трикотажем), Илья не вписывался ни в одну категорию. Он был... прозрачным. В хорошем смысле. Ты всегда знал, где он находится, и при этом он не пытался заполнить собой всё пространство. Он просто присутствовал. И это бесило. Это не давало того самого дофаминового всплеска, к которому Света привыкла.

«Нет искры», — говорил её внутренний голос. — *«Где драма? Где ожидание сообщения до пяти утра с тахикардией? Где это мучительное "почему он не лайкнул мою сторис с бокалом вина"? С Ильей всё слишком понятно. Как с базовым покрытием — надежно, но скучно».*

— Так вот, про этого мерзавца, — Рита вернула Свету к реальности. — Он же мне вчера позвонил. В два часа ночи! И знаешь, что сказал? «Рит, я забыл, как называется тот сериал, который мы смотрели в позапрошлом октябре». Понимаешь? Это же манипуляция чистой воды! Он прощупывает почву. Он проверяет, не удалила ли я его номер.

Света аккуратно наносила дегидратор.

— А ты что?

— А я... я ответила. Сказала название. И добавила: «Надеюсь, тымотришь его не с той розовоквадратной».

— Рита... — Света вздохнула.

— Знаю! Знаю, что я дура! — Рита почти кричала. — Но это же сильнее меня. Это как... как плохой маникюр. Ты видишь, что он отрос, что он ужасен, что он цепляется за волосы, но ты продолжаешь ходить с ним, потому что привыкла к этому цвету!

Света остановилась и посмотрела Рите в глаза.

— Рит, послушай. Мы сейчас снимем всё старое. Мы зашлифуем все неровности. Мы нанесем новую базу. И твои руки будут выглядеть так, будто никакой «розовоквадратной» в твоей жизни никогда не существовало. Но если ты придешь домой и снова начнешь ковырять свою жизнь, никакой лак не удержится. Гель-лак держится только на здоровой основе. В отношениях так же.

Рита замолчала. В салоне наступила редкая тишина, прерываемая только стрекотом аппарата у соседнего мастера и тихим джазом из колонок.

Света работала быстро и технично. Она любила этот этап — покрытие цветом. Это был момент трансформации. Из чего-то серого и обкусанного рождалось искусство. Она наносила слой нюда, идеально распределяя его у кутикулы. Один мазок, второй, запечатать торцы. В лампу.

Пока Рита держала руку в LED-лампе, Света украдкой взглянула на свой телефон. Экран был пуст. Артур — её «личный сорт героя», мужчина-праздник и мужчина-катастрофа в одном флаконе — не писал уже три дня. После того фееричного свидания в баре, где они обсуждали экзистенциализм и пили текилу, он просто испарился.

«Он занят», — услужливо подсказал мозг.

«Он умер», — с надеждой предположил здравый смысл.

«Ему просто плевать», — отрезала реальность.

Света знала все признаки. Она была экспертом по красным флагам. Если бы за знание психопатов и манипуляторов давали дипломы, у неё бы вся стена была ими увешана. Но знать и делать — это разные вещи. Это как знать, что нельзя срезать кутикулу «под ноль» на сухую, но всё равно делать это, потому что хочется мгновенного результата.

— Готово, — Света нанесла масло для кутикулы и начала легкий массаж рук Риты. — Посмотри.

Рита смотрела на свои руки так, будто видела их впервые. Идеальный миндаль, безупречный френч — тонкая белая линия, как росчерк пера дорогой ручки. Элегантность, возведенная в абсолют.

— Света... — голос Риты дрогнул. — Я чувствую себя... приличным человеком. Как будто я могу сейчас пойти не в мессенджер к бывшему, а в библиотеку. Или на аукцион.

— Иди лучше в кофейню и купи себе самый большой латте, — улыбнулась Света. — И не трогай телефон этими руками минимум два часа. Красота должна застыть не только на ногтях, но и в голове.

Когда Рита ушла, оставив щедрые чаевые и облако парфюма «Lost Cherry», Света устало откинулась на спинку стула. Спина ныла. Это была плата за то, чтобы делать других красивыми.

В дверях салона колокольчик звякнул, и вошел Илья.

На нем была простая темно-синяя рубашка с закатанными рукавами, на запястье — те самые винтажные часы, которые он восстанавливал последние полгода. Он выглядел... спокойным. Это было первое слово, которое приходило на ум при виде него. В мире, где все постоянно находилось в состоянии легкой (или тяжелой) истерики, Илья казался островком стабильности.

— Привет, — сказал он, подходя к её столу. — Не помешал?

— У меня перерыв пятнадцать минут, — Света начала протирать стол антисептиком. — Лена сказала, у тебя какой-то «взгляд» требовался.

Илья достал из кармана маленькую коробочку. Света внутренне напряглась — не хватало еще, чтобы это было кольцо. Это бы разрушило весь его образ «нормального человека». Но внутри оказалась крошечная деталь, похожая на золотую снежинку.

— Это шестеренка от дамских «Омега» пятидесятых годов, — пояснил он. — Посмотри на насечки. Тебе, как мастеру микро-деталей, должно быть понятно. Там зазубрина, которую почти не видно. Из-за неё механизм спешит на три минуты в сутки. Всего три минуты. В масштабе жизни — ерунда. В масштабе вечности — катастрофа.

Света взяла деталь, поднесла к глазам.

— Ты хочешь, чтобы я её подпилила бафом? — иронично спросила она.

— Нет, я хочу, чтобы ты просто посмотрела, как легко сломать что-то идеальное из-за одной маленькой неточности. И как трудно это потом восстановить.

Света подняла глаза на Илью. Он смотрел на неё не так, как Артур. Взгляд Артура был как прожектор — ослеплял, льстил, заставлял чувствовать себя центром вселенной, но за этим светом была пустота. Взгляд Ильи был как мягкий свет настольной лампы. Он не ослеплял, но при нем было очень удобно читать книгу своей души.

— Ты пришел прочитать мне лекцию о хрупкости бытия на примере швейцарских часов? — спросила Света, чувствуя, как её привычный сарказм срабатывает как защитный механизм.

— Нет, я пришел позвать тебя на обед. Тут открыли новое место с «неправильными» хинкалями. Они утверждают, что в них семнадцать складок вместо девятнадцати, и это делает их бунтарскими. Пойдем?

Света посмотрела на свой телефон. Ни одного уведомления.

«Если я сейчас пойду с ним, я признаю, что мне нужна эта стабильность. Что я сдаюсь. Что я больше не жду бури», — подумала она.

— Семнадцать складок — это серьезный вызов системе, — сказала она вслух. — Дай мне пять минут привести себя в порядок.

Она пошла в подсобку, чтобы вымыть руки и поправить макияж. Глядя на себя в зеркало — уставшие глаза, немного пыли от опила на волосах, — Света подумала о том, что её жизнь сейчас напоминает тот самый «френч», который она сделала Рите. Снаружи — идеальная линия улыбки, аккуратное покрытие, блеск. А под ним — натуральный ноготь, который может быть тонким, слоющимся и очень чувствительным к боли.

Она вышла к Илье, стараясь не думать о том, что Артур может написать именно в тот момент, когда она откусит первую хинкалину.

— Знаешь, — сказала она, когда они вышли на залитую солнцем улицу, — Рита сегодня просила «драму во френче». А я подумала: почему мы всегда ищем драму там, где её не должно быть? Маникюр должен быть просто маникюром. Часы должны просто показывать время.

Илья улыбнулся, придерживая ей дверь.

— Потому что без драмы нам кажется, что мы не живем. Мы путаем покой со скукой, а тревогу — с любовью. Это как с часами: если они не тикают громко, нам кажется, что они стоят. А на самом деле самые точные механизмы работают почти бесшумно.

Они шли по улице, и Света поймала себя на мысли, что ей не хочется доставать телефон. Впервые за долгое время. Это было странное, почти пугающее ощущение. Как будто она сняла тяжелые каблуки и надела удобные кеды. Некрасиво? Возможно. Но зато ноги не болят.

«Но ведь кеды — это не сексуально», — встрял внутренний голос, подозрительно похожий на маму. — *«Мужчина должен хотеть тебя завоевывать, а не водить есть хинкали с семнадцатью складками!»*

Света мысленно заткнула этот голос. Ей было 29 лет. У неё был лучший в городе «аппаратный без режущих инструментов» и худший в городе вкус на мужчин. Возможно, пришло время сменить инструменты.

В хинкальной было шумно и пахло зирой. Они сели у окна. Илья рассказывал о том, как однажды нашел в старых часах любовную записку, спрятанную за задней крышкой. Записка была на французском, и он потратил неделю, чтобы её перевести, только чтобы обнаружить, что там написано: «Не забудь купить масло и хлеб».

— Это самая романтичная история о хлебе, которую я слышала, — засмеялась Света.

И в этот момент её телефон в сумке завибрировал.

Это был он. Артур.

Света почувствовала, как внутри всё сжалось в тугой узел. Тот самый дофаминовый удар. Сердце подпрыгнуло к горлу, ладони мгновенно стали влажными.

Она медленно достала телефон.

«Привет, детка. Скучал. Завтра в 22:00 на нашем месте? Есть разговор».

Мир вокруг хинкальной мгновенно поблек. Голос Ильи стал тише, как будто кто-то привернул регулятор громкости. Вот оно. То самое. «Скучал». «На нашем месте». «Есть разговор». Каждое слово — как крючок, вонзающийся в мягкие ткани.

Света посмотрела на Илью. Он замолчал, внимательно наблюдая за её лицом. Он всё понял. Не нужно было быть мастером часовых механизмов, чтобы увидеть, как в человеке только что переключился какой-то важный тумблер.

— Важные новости? — спокойно спросил он.

— Да... нет... — Света положила телефон экраном вниз на стол. — Так, ерунда. По работе.

Она солгала. И знала, что он знает, что она солгала.

«Вот он, момент выбора», — сказал внутренний голос (теперь это был Слава из «Квартета И», тот, который самый рассудительный). — *«Ты можешь сейчас сказать: "Илья, мне написал один козел, и я, как последняя идиотка, чувствую, что хочу к нему побежать, хотя знаю, что это закончится слезами и сломанным ногтем". Или ты можешь сделать вид, что всё нормально. Что ты взрослая, осознанная женщина. Какую роль выберем сегодня?»*

Света выбрала роль «всё нормально».

— На чем мы остановились? На французском хлебе?

Обед продолжался, но магия была разрушена. Света механически жевала тесто, отвечала невпопад и постоянно чувствовала жжение в сумке, где лежал телефон. Ей хотелось немедленно ответить. Написать что-то ироничное, или холодное, или, наоборот, слишком теплое. Ей хотелось играть.

Илья не давил. Он доел свою порцию, расплатился (не устраивая из этого сцену «я мужчина, я плачу», а просто и естественно) и проводил её обратно до салона.

— Спасибо за обед, — сказала Света у входа. — Было вкусно. И эти семнадцать складок... они действительно ощущаются иначе.

Илья посмотрел на неё — долго, прямо, без осуждения, но с какой-то грустной пронительностью.

— Света, — сказал он, — у каждого механизма есть предел прочности. Если его постоянно заводить слишком сильно, пружина лопнет. Это не драма. Это просто физика.

Он развернулся и ушел к своей мастерской.

Света вернулась в салон. У неё была следующая клиентка на 14:00 — молодая девушка, которая хотела «что-то очень яркое, потому что лето».

Света включила аппарат. Вжик-вжик.

Она смотрела на свои руки. На её ногтях был идеальный прозрачный лак. Никакого цвета. Никакой маскировки. Она видела каждую белую черточку на пластине — следы нехватки витаминов или избытка стресса.

В 14:30 она не выдержала. Пока клиентка выбирала между «неоновым лаймом» и «электрическим синим», Света быстро схватила телефон и напечатала ответ Артуру:

«Буду».

В ту же секунду она почувствовала облегчение. И одновременно — жуткую, сосущую пустоту в животе. Как будто она только что сама, добровольно, засунула палец в работающую фрезу, зная, что будет больно, но не в силах сопротивляться искушению проверить: а вдруг на этот раз не пойдет кровь?

— Светик, а вы мне сделаете дизайн? — спросила девушка-клиентка. — Хочу на безымянном пальце сердце. Но такое... разбитое. Сейчас это модно.

Света посмотрела на неё и горько усмехнулась.

— Сердца — это прошлый сезон, дорогая. Давай лучше нарисуем там часы. Которые показывают без пяти двенадцать. Это гораздо более актуально.

Вечер прошел в тумане. Света работала на автопилоте. Она пилила, мазала, сушила, улыбалась, слушала истории про измены, свекровей и диеты. Это был конвейер женских надежд, упакованных в полимерный материал.

Когда салон закрылся, и Света осталась одна, чтобы провести стерилизацию инструментов, она долго стояла перед сухожаровым шкафом. В нем под воздействием высокой температуры погибало всё живое, что могло быть опасным. Бактерии, вирусы, грибки.

«Жаль, — подумала она, — что нельзя засунуть в сухожар свои мысли. Разогреть их до 180 градусов, чтобы из них выветрилась вся эта дурь, вся эта тяга к саморазрушению».

Она вышла на улицу. Город уже зажигал огни. В окне часовой мастерской всё еще горел свет. Света видела силуэт Ильи — он сидел, низко наклонившись над столом, с лупой, прикрепленной к глазу. Он восстанавливал чье-то время. Медленно, бережно, деталь за деталью.

Света отвернулась и пошла к метро. Завтра ей нужно было сделать еще пять маникюров. А вечером — встретиться с Артуром.

Она знала, что это ошибка. Она знала, что это паттерн. Она знала, что Илья прав насчет пружины.

Но в её кармане лежал телефон, и он был теплым. Или ей просто так казалось.

«В конце концов», — подумала она, заходя в вагон поезда, — *«идеальный френч тем и хорош, что под ним можно скрыть всё, что угодно. Главное — чтобы линия улыбки была ровной. Даже если тебе совсем не хочется улыбаться».*

Света закрыла глаза и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Поезд тронулся, унося её в сторону завтрашнего дня, где её ждал идеальный контроль на работе и полный хаос в сердце. Она была мастером своего дела. Она умела придавать форму чему угодно. Кроме собственной жизни.

Глава 2. Любовь по записи

Утро в салоне «Nail-Art Aura» всегда начиналось не с кофе, а с запаха дезинфектора, который въелся в стены настолько, что, казалось, если лизнуть дверную ручку, можно мгновенно излечиться от всех известных науке бактерий. И, возможно, от парочки венерических заболеваний.

Света расставляла флаконы на своей полке. Это был её личный алтарь. База, топ, праймер, палитра из трехсот оттенков красного (которые, по мнению мужчин, абсолютно одинаковы, а по мнению клиенток — «этот слишком вызывающий, а этот слишком депрессивный»). Света любила этот порядок. Здесь, в радиусе шестидесяти сантиметров рабочего стола, она была богом. Она решала, будет ли форма «миндаль» или «мягкий квадрат». Она властвовала над кутикулой. Она знала, что если правильно запечатать торец, то мир, возможно, не развалится еще неделю.

— Привет, Светик. Записывай сразу: мне сегодня «нюд», но такой, чтобы он понял, что я глубокая личность, но при этом доступная для диалога, — в салон впорхнула Лена.

Лена была классическим экземпляром «хронической влюбленности». Она меняла мужчин реже, чем цвет лака, но каждый раз это была драма масштабов Шекспира, если бы Шекспир писал сценарии для сторис в Инстаграме (*Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ).

Света вздохнула, включая аппарат. Фреза зажужжала, создавая приятный белый шум, который обычно помогал фильтровать поток сознания клиенток. Но Лена была из тех, кто пробивал любую звукоизоляцию.

— Он не звонил три дня, — начала Лена, усаживаясь и протягивая руки. — Как ты думаешь, это тактика?

— Это отсутствие интереса, Лен, — привычно отозвалась Света, аккуратно снимая старое покрытие. Розовая пыль облаком оседала на вытяжке.

— Нет, ты не понимаешь! — Лена подалась вперед, едва не задев лампу. — Мы так гуляли в четверг... Он смотрел на меня. Знаешь, как смотрят на антикварную вазу, которую очень хочется купить, но боишься разбить? Вот так он смотрел. Он явно боится своих чувств. Он чувствует, что я — это ОНО. Та самая. И его это пугает. Масштаб личности, понимаешь? Он просто взял паузу, чтобы переварить этот экзистенциальный шок.

В этот момент от соседнего стола, где Таня делала педикюр постоянной клиентке, раздался кашель. Таня, мастер с двадцатилетним стажем и лицом человека, который видел всё — от грибка до предложения руки и сердца в прямом эфире, — не выдержала:

— Леночка, радость моя, когда мужчина боится своих чувств, он обычно напивается и пишет в три часа ночи: «Спишь?». А когда он не звонит три дня, он либо умер, либо занят кем-то другим, либо просто забыл, как ты выглядишь. И последнее — самое вероятное.

Лена замерла. Её лицо приняло выражение оскорбленной невинности.

— Тань, ты всегда такая приземленная. Где романтика? Где вера в сложность человеческой души? Мужчины — это же не просто набор рефлексов. У них внутри бездна!

— У них внутри — желание поест, поспать и чтобы им не выносили мозг, — вставила Света, переключая аппарат на реверс. — И если ты в эту схему не вписываешься в данный конкретный момент, бездна закрывается на техобслуживание.

— Вот! — Лена торжествующе подняла палец. — «Закрывается на техобслуживание»! Это же идеальная метафора. Он сейчас в ремонте. Его прошлая девушка, эта стерва Оксана, она же его просто выпотрошила. Он мне рассказывал. Она требовала от него... — Лена сделала паузу для пущего эффекта, — ...внимания! Представляешь? Каждый день!

— Какое кощунство, — пробормотала Света, работая пушером. — Требовать внимания от человека, с которым ты состоишь в отношениях. Поразительная наглость.

— Света, ты иронизируешь, а я чувствую его боль через экран смартфона. Он выложил сторис с грустной песней. «The Weeknd», понимаешь? Это же манифест одиночества. Он сигнализирует мне: «Лена, я в депрессии, спаси меня, но не подходи близко, потому что я ранен».

Света остановила аппарат и посмотрела Лене прямо в глаза.

— Лен, давай разберем по пунктам в стиле «Квартета И». Вот сидят четверо мужиков в офисе. Один говорит: «Я не звоню Лене три дня». Второй спрашивает: «Почему? Забыл?». А первый отвечает: «Нет, я просто жду, когда она спасет меня своим молчанием, пока я слушаю The Weeknd и рефлексирую над своей раненой душой». Ты сама в это веришь?

— Ну... звучит логично, — неуверенно произнесла Лена.

— Нет, — отрезала Света. — На самом деле это выглядит так:

Первый: «Слушай, а что там та блондинка с маникюром?»

Второй: «Какая? А, Лена. Да фиг знает. Вроде нормальная, но какая-то... сложная. Всё время ищет подтекст. Я ей смайлик отправил, она мне — эссе на три страницы о векторе наших отношений».

Третий: «И что ты?»

Второй: «Да ничего. Поиграл в приставку и уснул. А потом как-то неудобно стало звонить, три дня прошло. Забью, наверное».

Лена помолчала. В салоне на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая только шипением кофемашины в углу.

— Ты сейчас разрушила мою систему ценностей, — тихо сказала Лена. — Ты хочешь сказать, что я для него — просто «сложная блондинка», а не судьбоносная встреча?

— Я хочу сказать, — Света снова взялась за пилочку, — что мы, женщины, профессиональные декораторы реальности. Мы берем голый бетон мужского равнодушия и обклеиваем его обоями со сложным принтом «он просто боится близости». Мы расставляем там мебель из «его тяжелого детства» и вешаем шторы «он на самом деле глубокий человек». А потом заходим в эту комнату, садимся на табуретку и удивляемся, почему здесь так холодно и воняет плесенью. А всё потому, что это, блин, подвал, Лен. Обычный подвал.

— Жестко ты её, — шепнула Таня, когда Лена ушла мыть руки.

— Зато честно, — Света вытерла стол. — У меня сегодня сеанс экзорцизма, а не маникюра. Салон — это же исповедальня. Только вместо батюшки — баба с лампой, а вместо грехов — отслойки геля.

К обеду салон наполнился гулом. Пришла Ира — бизнес-леди, которая всегда опаздывала на пятнадцать минут и требовала сделать «всё быстро и дорого». Следом за ней — Катя, студентка, которая копила на ногти, экономя на обедах, и выбирала дизайн так мучительно, будто это была татуировка на лице.

Света работала механически, но её мозг продолжал крутить утренний диалог. Почему она так легко раздает советы, которые сама не в состоянии применить к себе?

В её телефоне, запрятанном в ящик стола, висело сообщение от Макса. Макс был её личным «наркотиком», её собственной «иллюзией в обоях».

«Светик, привет. Заскочу сегодня вечером? Соскучился».

Это сообщение пришло в час ночи. Света не ответила. Но она знала, что Макс не «боится чувств». Она знала, что Макс просто знает: она всегда на связи. Она — как та самая запись к мастеру, которую можно перенести, отменить в последний момент или просто не прийти, зная, что тебя всё равно примут, если ты мило улыбнешься.

Она чувствовала себя сапожником без сапог. Великий психолог для чужих драм и полная идиотка в собственной.

— Света, а ты почему себе красный не сделаешь? — спросила Катя, разглядывая палитру. — Тебе бы пошло. Такой, знаешь, цвет «роковой женщины».

— Роковым женщинам не нужно пилить чужие ногти по десять часов в день, Катя, — улыбнулась Света. — У роковых женщин руки пахнут духами «Chanel», а не пылью и «Клинсером». Мой цвет — прозрачный лечебный лак. Чтобы не видно было, как дрожат руки, когда очередной «гений психологии» за столом начинает рассказывать, почему игнор — это высшее проявление любви.

В этот момент дверь салона открылась, и вошел Илья.

Он не был клиентом. Он был кем-то вроде призрака этого бизнес-центра. Илья держал небольшую кофейню на первом этаже и иногда приносил девочкам кофе, когда у них не было времени спуститься.

— Привет, мастерицы чистоты и порядка, — Илья поставил на стойку администратора три стакана. — Света, тебе — двойной эспрессо без сахара, как ты любишь. Горький, как твои комментарии к жизни.

Света подняла глаза. Илья улыбался — той самой спокойной, немного ироничной улыбкой, которая её бесила. Он не пытался казаться лучше, чем он есть. На нем была простая футболка, фартук с пятном от молока и джинсы, видевшие лучшие времена. Но в его присутствии всё это салонное кудяхтанье про «высокие материи» и «кармические связи» казалось особенно абсурдным.

— Спасибо, Илья. Сколько с меня? — Света потянулась к кошельку.

— С тебя — один честный ответ на вопрос, — Илья оперся о стойку, игнорируя попытки администратора Вики с ним заигрывать. — Почему у вас в салоне всегда такая аура... трагизма? Я захожу, и мне кажется, что я попал на поминки по здравому смыслу.

Таня за соседним столом хмыкнула:

— Это потому что у нас тут филиал женской души, Илья. А душа, как известно, требует страданий. Без страданий ногти плохо держатся.

— Интересная теория, — кивнул Илья, глядя на Свету. — А ты что думаешь, Света? Почему вы все тут такие... занятые самокопанием?

Света взяла горячий стакан. Тепло пластика приятно обожгло пальцы.

— Потому что салон — это единственное место, где женщину слушают два часа подряд, не перебивая, — ответила она. — Мы продаем не маникюр. Мы продаем иллюзию того, что твои проблемы важны. И что если мы сейчас выпилим идеальную форму, то и жизнь как-то подровняется. А трагизм... Ну, это просто бесплатный бонус к покрытию.

— Понятно, — Илья поправил волосы. — То есть вы — как пластические хирурги, только для эго. Подтяжка самооценки через кутикулу.

— Вроде того.

— Тогда сделай мне одолжение, — он уже направился к выходу. — Когда будешь пить этот кофе, забудь на пять минут про «форму и содержание». Просто почувствуй вкус. Он нормальный. Без подтекста.

Когда дверь за ним закрылась, Лена, которая как раз вернулась с вымытыми руками, восторженно прошептала:

— Светик, а он ничего! Такой... загадочный. Типаж «свой парень с двойным дном». Он точно в тебя влюблен. Смотри, как он на тебя смотрел! С такой... печалью.

Света чуть не поперхнулась кофе.

— Лен, он смотрел на меня как на человека, которому нужен кофеин. Всё. Конец главы. Садись, будем красить твой «нюд глубокой личности».

Работа продолжалась. Глава «Любовь по записи» писалась сама собой, страница за страницей, клиентка за клиенткой.

После обеда пришла Марина Петровна — дама пятидесяти лет, жена крупного чиновника. Её визиты всегда были испытанием для нервной системы. Марина Петровна не плакала и не искала смыслов. Она требовала совершенства.

— Светлана, в прошлый раз на левом мизинце был едва заметный пузырек, — начала она, едва сев в кресло. — Я три дня не могла спать. Мне казалось, что все на приеме у губернатора смотрят только на мой мизинец.

«Конечно, Марина Петровна. У губернатора же нет других дел, кроме как рассматривать ваш мизинец через микроскоп», — подумала Света, а вслух сказала:

— Приношу свои извинения. Сегодня мы сделаем так, что даже под электронным микроскопом всё будет идеально.

Марина Петровна удовлетворенно кивнула.

— Мужчины, знаете ли, не прощают небрежности. Мой Николай говорит: «Марина, ты — моё лицо». И я не могу позволить этому лицу шелушиться или иметь плохой маникюр. Это вопрос статуса.

— А вопрос счастья не стоит? — вдруг спросила Света, сама от себя не ожидая такой дерзости.

Марина Петровна посмотрела на неё как на говорящий кактус.

— Счастье, деточка, это когда у тебя есть счет в швейцарском банке и муж, который не завел вторую семью в Подмоскowie. Всё остальное — гормоны и литература для бедных. Любовь — это контракт. Если ты соблюдаешь условия (выглядишь на десять лет моложе, не задаешь лишних вопросов, вовремя подаешь ужин), контракт продлевается. Если нет — идешь на рынок свободных агентов. А там, в моем возрасте, спрос небольшой.

Света замолчала. Это была другая крайность. Если Лена жила в мире розовых единорогов и воображаемых чувств, то Марина Петровна жила в мире холодного расчета, где любовь была графой в таблице Excel.

Что хуже? Верить в то, чего нет, или знать, что то, что есть — это просто сделка?

— А если контракт нарушит он? — тихо спросила Света, обтачивая ноготь.

— Тогда я увеличу сумму отступных, — сухо отрезала Марина Петровна. — Ногти, Света. Занимайтесь ногтями.

К шести вечера у Светы гудела спина, а в голове был винегрет из чужих жизней. Она чувствовала себя мусорным ведром, в которое целый день сливали эмоциональные отходы.

— Девочки, я всё, — Таня начала собираться. — У меня сегодня свидание.

— Опять с тем из Тиндера? — спросила Света.

— Нет, Тиндер — это болото. Там одни женатики и любители присылать фото своих «достижений» в первом же сообщении. Пойду с соседом по даче. Он, конечно, скучный, зато у него есть перфоратор и он знает, как сажать огурцы. В наше время это надежнее, чем «духовная близость».

— Удачи с огурцами, — улыбнулась Света.

Салон опустел. Осталась только Вика на ресепшене, досматривающая сериал, и Света, которая решила задержаться, чтобы привести в порядок инструменты.

Она села за свой стол, выключила основной свет, оставив только настольную лампу. В её круге света всё было понятно и просто. Металлические инструменты, баночки, салфетки.

Она достала телефон. Макс прислал еще одно сообщение:

«Я у твоего подъезда. Выходи. Купил твое любимое вино».

Света смотрела на экран. Её сердце, вопреки здравому смыслу, предательски екнуло. Та самая «дофаминовая яма». Она знала, как пройдет этот вечер. Вино, разговоры о том, как он «запутался», обещания, что скоро всё изменится, секс, а утром — чувство пустоты и запах его парфюма на подушке, который будет преследовать её весь следующий рабочий день.

Это была её личная «любовь по записи». Только записывалась она сама, добровольно, в лист ожидания на счастье, которое никогда не наступит.

Внезапно в дверь постучали.

— Мы закрыты! — крикнула Вика, не отрываясь от сериала.

— Это я, я забыл ключи от кофейни, — раздался голос Ильи. — Вик, пусти на секунду, я у вас на диване их оставил, когда кофе приносил.

Вика нехотя открыла. Илья зашел, быстро нашел ключи и уже собирался уходить, но остановился у стола Светы.

— Всё еще здесь? — спросил он. — Трудоголизм — это тоже способ сбежать от реальности.

— Тебе бы психологом работать, Илья, — Света не поднимала глаз. — Столько ценных наблюдений за один день.

— Психологи берут деньги за то, что говорят очевидные вещи. Я говорю их бесплатно, потому что мне жалко твой эспрессо. Он был хороший, а ты выпила его с таким лицом, будто это яд.

Илья подошел ближе. В свете лампы его лицо казалось мягче.

— Послушай, Света. Я не знаю, кто тебе пишет в этом телефоне, на который ты смотришь так, будто там тикает бомба. Но я знаю одно: если от сообщения хочется плакать или спрятаться — это не любовь. Это работа. А ты и так сегодня достаточно поработала.

Света наконец подняла глаза.

— А что такое любовь, Илья? Твой вариант? Огурцы, как у Тани? Или контракт, как у Марины Петровны?

Илья задумался.

— Любовь — это когда ты не должен записываться на прием, чтобы тебя заметили. Это когда тебе не нужно делать «идеальный френч», чтобы тебя захотели погладить по руке. И это когда... — он улыбнулся, — когда ты пьешь кофе и тебе просто вкусно. Без драм.

— Слишком просто, — фыркнула Света.

— Жизнь вообще простая штука, — Илья пожал плечами. — Это мы, люди, любим накрутить сверху три слоя геля, стразы и дизайн «кошачий глаз», чтобы не было видно, что под этим всем — просто ногти. Ладно, пока, «мастер по связям с реальностью». Не засиживайся.

Он ушел. Света еще долго сидела в тишине.

Она посмотрела на сообщение от Макса.

«Выходи».

Затем она заблокировала телефон и убрала его в сумку.

— Вик, закрывай, — сказала она, вставая. — Я сегодня иду домой одна.

— Ого, — Вика удивленно подняла брови. — А как же вино?

— Вино я куплю себе сама. И выпью его, просто чувствуя вкус. Без подтекста.

Выходя из салона, Света вдохнула прохладный вечерний воздух. Пахло дождем и пылью. На парковке она увидела машину Макса. Он моргнул фарами.

Света прошла мимо, глядя прямо перед собой. Её пальцы, привыкшие к точности и контролю, сжимали ремешок сумки. Она чувствовала странную легкость — будто только что сняла старое, тяжелое покрытие, которое мешало ногтям дышать.

В голове крутилась фраза Ильи: «Любовь — это когда не нужно записываться на прием».

Она зашла в магазин на углу, купила бутылку самого обычного сухого белого и пачку чипсов. Никаких свечей, никакой романтической музыки, никаких ожиданий.

Придя домой, она смыла макияж, надела старую растянутую футболку и села на подоконник. Город мигал огнями, похожими на стразы на гигантском макете ногтя.

Телефон разрывался от звонков Макса. Сначала она хотела выключить звук, но потом просто положила его экраном вниз.

«Сегодня записи нет», — подумала она.

Ей было 29 лет. У неё был идеальный маникюр, сомнительное будущее и впервые за долгое время — четкое понимание того, что «нюд» — это не просто цвет. Это состояние души, когда тебе больше нечего скрывать и нечем прикрываться.

Она сделала глоток вина. Оно было кислым, холодным и... просто вином.

Это было начало. Не грандиозный финал, не кульминация фильма, а просто первый вечер, когда она выбрала не драму, а себя. Без записи. И без иллюзий.

На следующее утро салон встретил её привычным шумом.

— Светик! Ты не представляешь! — Лена влетела в дверях, едва Света успела надеть халат. — Он позвонил! Вчера вечером!

Света замерла с флаконом антисептика в руке.

— И что? Боится чувств?

— Нет! — глаза Лены сияли. — Он сказал, что у него просто сломался зарядник, а он потерял мой номер и восстанавливал симку! Ты понимаешь? Это был знак! Вселенная проверяла мою веру!

Света посмотрела на Таню. Таня закатила глаза и выразительно постучала пилкой по столу.

— И что ты сделала? — спросила Света.

— Мы проговорили три часа! Он такой ранимый... Оказывается, он не звонил, потому что боялся, что я слишком хороша для него. Представляешь? Он так и сказал: «Лена, ты — как идеальный маникюр, я боюсь тебя испортить своим несовершенством».

Света не выдержала и рассмеялась. Громко, до слез.

— Что? — обиделась Лена. — Что тут смешного?

— Ничего, Лен. Просто... метафора зашла на посадку.

Света села за стол. Сегодня у неё была полная запись. Десять человек, десять историй, десять попыток закрасить пустоту ярким лаком.

Она включила аппарат. Фреза запела свою монотонную песню.

«Любовь по записи» продолжалась. Но Света знала, что её личный график теперь пуст. И это было самое прекрасное расписание, которое она когда-либо составляла.

В полдень, когда в салоне наступил короткий перерыв, она спустилась вниз.

Илья стоял за стойкой кофейни.

— Опять двойной эспresso? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нет, — Света улыбнулась. — Сегодня дай мне что-нибудь... обычное. Капучино. С большой пенкой. И посыпь корицей.

Илья повернулся и внимательно посмотрел на неё.

— Корица — это дерзко. Это заявка на уют. Что случилось? Мир перестал быть горьким?

— Нет, мир остался прежним. Просто я поняла, что если всё время пить только горький кофе, то рано или поздно перестанешь чувствовать вкус вообще. А я хочу чувствовать.

Илья протянул ей стакан.

— Твои ногти, кстати, сегодня выглядят... по-другому, — заметил он.

Света посмотрела на свои руки. На них не было лака. Только чистые, аккуратно подпиленные ногти, отражающие свет ламп кофейни.

— Это дизайн «Свобода», — сказала она. — Очень дорогой и редкий.

— Мне нравится, — кивнул Илья. — Тебе идет.

Света вернулась в салон, неся в руках теплый стакан. Она знала, что впереди еще много глав. Будут и ошибки, и возвращения к старым паттернам, и новые «Максы», маскирующиеся под «Илей». Но сегодня, в этой главе, она впервые была не мастером, а человеком.

И когда следующая клиентка села в кресло и начала рассказывать о том, что «он не ставит лайки, потому что ревнует к моим фото», Света просто мягко улыбнулась и сказала:

— Давайте сначала выберем цвет. А потом решим, стоит ли этот лайк ваших нервных клеток.

Потому что на кончиках пальцев была не только любовь. Там была сама жизнь — настоящая, неидеальная и абсолютно не требующая предварительной записи.

Глава 3: Мужчина с хорошим началом

В воздухе салона «Стихия ногтей» сегодня стоял особенно густой аромат мономера и свежесваренного кофе — смесь, которую Света называла «запахом надежды на лучшее будущее». Надежда эта, впрочем, была не её собственной, а принадлежала Марине Николаевне, постоянной клиентке с тридцатилетним стажем в браке и удивительной способностью давать советы, которые звучали как цитаты из пабликов про «настоящую женщину», но с интонациями опытного прапорщика.

— Светочка, — Марина Николаевна выразительно посмотрела на свои руки, пока Света аккуратно отодвигала кутикулу пушером. — Главная ошибка твоего поколения в том, что вы ищете «искру». Запомни: искра — это короткое замыкание. А короткое замыкание — это пожар, выбитые пробки и темнота. Тебе не искра нужна, а стабильное энергоснабжение. Чтобы лампочка горела ровно и не мигала.

Света улыбнулась, стараясь не выходить за границы зоны роста ногтя.

— Но если лампочка просто горит, это же скучно, Марина Николаевна. Хочется же, чтобы... ну, дух захватывало.

— Дух захватывает при падении в пропасть, — отрезала клиентка. — А в жизни должно захватывать только дыхание от того, что ты вовремя оплатила коммуналку и муж не забыл купить картошки. Ты сегодня идешь на свидание с этим... как его? Артем?

— Артем, — кивнула Света. — Он стоматолог. У него профиль в Тиндере выглядит так, будто его проверяла служба безопасности банка и мама одновременно. Ни одной фотографии с голым торсом у зеркала, ни одного кадра из спортзала. Зато есть фото с племянником и лабрадором.

— Идеально, — вынесла вердикт Марина Николаевна. — Хватай и не выпускай. Стоматологи — это деньги, дисциплина и всегда чистые руки.

Света промолчала. В глубине души она понимала, что Марина Николаевна права. Но где-то в районе солнечного сплетения тоненький голосок шептал: «Артем слишком правильный. От правильности чешутся зубы».

Сборы на свидание были отдельным видом психологического мазохизма. Света стояла перед зеркалом, примеривая на себя образ «девушки, у которой всё под контролем». Она выбрала бежевое платье-лапшу — не слишком вызывающее, чтобы не спугнуть «хорошего парня», но достаточно облегающее, чтобы он всё-таки вспомнил, зачем они здесь собрались.

Её отражение казалось ей чужим. Она видела мастера маникюра Свету, которая знает 40 оттенков нюда, но совершенно не понимает, какого цвета её собственное настроение.

«Почему я так нервничаю?» — думала она, нанося помаду. — «Потому что Артем — это шанс. Шанс перестать быть героиней плохого романа и стать персонажем нормальной жизни. Жизни, где по пятницам смотрят кино, по субботам ездят в Икею, а по воскресеньям не плачут в подушку, потому что он не перезвонил».

Артем забронировал столик в итальянском ресторанчике. Не в том, где гремит музыка и подают коктейли в черепах, а в том, где белые скатерти, тихая музыка и пахнет базиликом.

Он пришел вовремя. Даже на три минуты раньше.

Артем был... симпатичным. В том самом смысле, в котором симпатичными бывают новые микроволновые печи или отремонтированные подъезды. Приятный цвет лица, аккуратная стрижка, джемпер, который идеально сидел на плечах. Когда он встал, чтобы поприветствовать её, Света отметила, что от него пахнет хорошим парфюмом и — едва уловимо — антисептиком. Профессиональная деформация, не иначе.

— Привет, Света. Ты прекрасно выглядишь, — сказал он. Голос у него был ровный, уверенный. Такой голос обычно сообщает, что анестезия начала действовать.

— Спасибо, Артем. И ты тоже, — ответила она, присаживаясь.

Первые двадцать минут всё шло по учебнику. Они обсудили погоду (умеренно паршивая), работу (у него — кариес и пульпит, у неё — отслойки и вросшие ногти) и последние новости кино.

Артем был идеальным собеседником. Он слушал, не перебивал, задавал уточняющие вопросы. Он не пытался доминировать в разговоре, не рассказывал о своих успехах в крипте и не жаловался на бывшую жену, которая «забрала кота и веру в человечество».

— Знаешь, — сказал Артем, когда им принесли пасту, — я ценю в людях предсказуемость. Многие считают это скучным, но для меня это синоним надежности. Если я знаю, чего ожидать от человека, я могу построить с ним долгосрочные планы.

В голове у Светы всплыл образ Ильи из салона. Илья не был предсказуемым. Он мог прийти за пять минут до закрытия, просто чтобы забрать какую-то мелочь, и оставить после себя ощущение легкого сквозняка в душной комнате. Илья смотрел так, будто видел все её внутренние шестеренки. А Артем... Артем смотрел на неё как на очень качественную пломбу, которую нужно поставить на видное место.

— Предсказуемость — это хорошо, — согласилась Света, хотя внутри неё что-то отчаянно заскулило. — Но разве в непредсказуемости нет... жизни? Энергии?

Артем мягко улыбнулся.

— Энергия бывает разной, Света. Взрыв — это тоже энергия. Но я предпочитаю энергию мирного атома, которая греет дома.

«Боже, — подумала Света, — он говорит метафорами из учебника физики за восьмой класс. Это так мило и так... никак».

Она поймала себя на том, что начинает анализировать ситуацию в стиле «Квартета И».

Вот сидит мужчина. Он хороший. Объективно хороший. Если составить таблицу в Экселе и выписать его качества, он наберет 98 баллов из 100. Оставшиеся два балла — это то, что он, возможно, храпит, но это не точно. И вот ты сидишь напротив и думаешь: "Ну почему мне не хочется его поцеловать?" Почему мне хочется, чтобы сейчас в ресторан ворвался какой-нибудь придурак на мотоцикле, облил всех шампанским и увез меня в неизвестном направлении, хотя я ненавижу мотоциклы и холодное шампанское?

— О чем ты задумалась? — спросил Артем.

— О том, как важно правильно выбрать базу под гель-лак, — соврала Света. — Если база слабая, всё покрытие отвалится через три дня, каким бы красивым ни был цвет.

Артем понимающе кивнул.

— Логично. В отношениях так же. Общие ценности — это база. А страсть, влечение — это просто верхнее покрытие, топ. Он со временем тускнеет и царапается.

«Он еще и про маникюр понимает», — с ужасом осознала Света. — «Он просто идеален. Я должна быть счастлива. Почему мне кажется, что я на приеме у терапевта, и мы обсуждаем план лечения моей жизни?»

Вечер продолжался. Артем рассказывал о своем хобби — он собирал модели старых парусников.

— Это требует терпения и твердой руки, — объяснял он. — Каждая деталь должна быть на своем месте. Ошибка в миллиметр — и вся конструкция теряет баланс.

Света слушала и представляла, как они живут вместе. Вот они сидят в гостиной. Артем собирает свой парусник. Света делает маникюр на типсах. В комнате тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов. Никто не кричит, никто не хлопает дверью, никто не пропадает на три дня без связи. Это рай.

Тогда почему этот рай кажется ей камерой одиночкой с евроремонтом?

Проблема была не в Артеме. Проблема была в её «дофаминовой прошивке». Света при-
выкла, что любовь — это когда сердце колотится в горле, когда ладони потеют от ожидания
сообщения, когда ты постоянно сомневаешься: любит или нет? Она путала тревогу с глубо-
ким чувством. Для неё стабильность была синонимом отсутствия интереса. Если мужчина не
заставляет её страдать, значит, он её не цепляет.

Это был классический паттерн, о котором она читала в книгах по психологии. «Ваш мозг
привык к кортизоловым ваннам. Спокойствие кажется ему смертью».

— Света? — Артем коснулся её руки. Его пальцы были сухими и теплыми. — Ты здесь?

— Да, прости. Просто длинный день. Много клиентов, много историй...

— Я понимаю. Ты работаешь с людьми, это выматывает. Может, закажем десерт? Здесь
отличный тирамису.

— Да, давай.

Пока они ели десерт, Света пыталась заставить себя почувствовать хоть что-то. Она смот-
рела на его губы, когда он говорил, и думала: «А если он меня сейчас поцелует?» Мысль
не вызвала ни отвращения, ни восторга. Только вежливое любопытство, как при просмотре
научно-популярного фильма о жизни бобров.

Артем был «мужчиной с хорошим началом». Но Света уже знала финал этой истории.
Через три месяца ей станет нечем дышать. Она начнет придираться к тому, как он ставит зуб-
ную щетку в стакан. Она будет провоцировать ссоры на ровном месте, просто чтобы увидеть
в его глазах хоть какую-то живую ярость, а не бесконечное понимание. А потом она встретит
какого-нибудь «плохого парня» и бросится в новые страдания с облегчением человека, вер-
нувшегося домой из долгой и скучной командировки.

«Господи, я испорчена», — подумала она. — «Я как сломанный телевизор, который пока-
зывает только драмы и триллеры, а на канале "Культура" просто шипит».

— Света, я бы очень хотел увидеться еще раз, — сказал Артем, когда они вышли из
ресторана. Воздух на улице был прохладным, и он набросил ей на плечи свой пиджак. Жест
был безупречным. — Мне с тобой очень легко.

— Мне тоже, Артем, — ответила она, и это была правда. С ним было легко, как в кабине
лифта: ты точно знаешь, куда приедешь, и тебе не нужно ничего делать, кроме как нажать на
кнопку.

Он проводил её до такси. Поцеловал в щеку — аккуратно, почтительно. Пиджак пах
Артемом: чистотой и предсказуемостью.

Едва захлопнулась дверца машины, Света почувствовала странную пустоту. Она достала
телефон. Ни одного пропущенного. Ни одного «сложного» сообщения.

Она открыла Инстаграм (*Признана экстремистской организацией и запрещена на терри-
тории РФ) и наткнулась на сторис Ильи. Он выложил фото ночного города с подписью: «Ино-
гда самое правильное — это свернуть не туда».

Света вздохнула. Она знала, что Марина Николаевна завтра спросит: «Ну как?». И она
ответит: «Он замечательный». И это будет чистой правдой. И это будет самым грустным пред-
ложением, которое она произнесет за неделю.

Она прислонилась лбом к холодному стеклу такси. Ей 29 лет. У неё идеальный маникюр,
работа, которую она любит, и «мужчина с хорошим началом» в списке контактов.

«Почему же мне так хочется закричать?» — подумала она.

В этот момент такси подрезала черная иномарка. Водитель резко затормозил, выругался.
Света почувствовала, как внутри нее что-то встрепенулось. Опасность. Несправедливость.
Эмоция.

Она закрыла глаза и поняла: её борьба с собой только начинается. Она не хочет быть
«доведенной до идеала» версией себя, живущей с идеальным Артемом. Она хочет понять,

почему её так тянет к тем, кто никогда не предложит ей пиджак, но зато предложит весь мир в огне.

Дома Света долго не могла уснуть. Она сняла платье, смыла макияж, посмотрела на свои руки. На мизинце правой руки была крошечная зазубрина — она не заметила, как зацепила инструментом во время работы. Пустяк, почти невидимый дефект. Но Света знала, что он там есть.

Она взяла пилку и начала аккуратно зашлифовывать неровность.

«Артем — это идеальный топ», — думала она в такт движениям пилки. — «Он скроет все трещинки. Под ним ногти будут казаться крепкими. Но что, если ногти под ним начнут гнить от того, что им нечем дышать?»

Она вспомнила теорию Эстер Перель, которую слушала в подкасте: «Любовь нуждается в близости, но страсть нуждается в дистанции». С Артемом дистанция сократилась до нуля за один вечер. Он был слишком открытым, слишком понятным. В нем не было тайны, которую хотелось бы разгадывать. Он был как кроссворд, где уже вписаны все слова, и тебе остается только поставить свою подпись внизу.

Света легла в постель и уставилась в потолок.

Завтра в салоне будет клиентка, которая просит «кошачий глаз». Глубокий, переливающийся цвет, который меняется в зависимости от угла обзора. Света любила этот эффект. Ты никогда не знаешь точно, каким он будет в следующую секунду.

Может быть, в этом и была её проблема? Она искала «кошачий глаз» там, где требовался просто надежный лечебный лак.

Её телефон пискнул. Сообщение от Артема:

«Доброй ночи, Света. Был рад знакомству. Надеюсь, твой завтрашний день пройдет гладко. Спи крепко».

Света смотрела на экран. Сообщение было таким добрым, таким правильным. Оно должно было согреть её. Но вместо этого она почувствовала только легкое раздражение, как от слишком тугой резинки на носках.

Она не ответила. Перевернулась на бок и закрыла глаза.

Ей приснился Илья. Он сидел в её кресле в салоне, но вместо того, чтобы протянуть руки для маникюра, он сам взял пилку и начал подпиливать её ногти.

— Слишком ровно, Света, — сказал он во сне, улыбаясь своей ироничной улыбкой. — Жизнь — это не френч. В жизни всегда есть заусенцы. Не пытайся их все срезать. Иначе пойдет кровь.

Света проснулась среди ночи в холодном поту. Сердце билось часто-часто. Вот она — та самая «искра», которой не было в ресторане. Но пришла она не от любви, а от страха. Страх, что она так и не научится отличать одно от другого.

Она встала, пошла на кухню и выпила стакан воды. На столе лежал визитка Артема, которую он дал ей «на всякий случай» (вдруг заболит зуб). Белый картон, тиснение, строгий шрифт.

Света взяла визитку и положила её в ящик стола, подальше от глаз.

«Завтра», — сказала она себе. — «Завтра я сделаю себе самый яркий красный маникюр. Тот самый, который клиентки называют "цвет стервы". И посмотрим, что скажет на это мой внутренний стоматолог».

Она знала, что это детский протест. Но это было единственное, что давало ей чувство контроля над собственной скукой.

Утро в салоне началось с суеты. Лена, администратор, была в плохом настроении — её парень снова забыл про годовщину знакомства.

— Понимаешь, Свет, — жаловалась Лена, яростно протирая стойку. — Он говорит: «Ну я же пришел домой, я же купил продукты, чего тебе еще надо?». А мне надо, чтобы он хоть раз сделал что-то не потому, что это логично, а потому, что он обо мне думал!

Света слушала и чувствовала, как в ней отзывается каждое слово. Вот она, обратная сторона «хороших парней». Они делают всё правильно, но в этом «правильно» иногда не хватает самого человека. Остается только функция.

— У меня вчера было свидание, — тихо сказала Света.

Лена замерла с тряпкой в руке.

— И? Тот стоматолог? Рассказывай!

— Он идеальный, Лен. У него даже манеры идеальные. Он открыл мне дверь, он не смотрел в телефон, он интересно рассказывал про парусники...

— О боже, — выдохнула Лена. — И где подвох? Он женат? У него коллекция отрезанных ушей в подвале?

— Подвох в том, — Света вздохнула, — что мне хотелось уйти через сорок минут. Мне было так скучно, что я начала считать количество дырочек в солонке.

Лена сочувственно посмотрела на подругу.

— Знаешь, Свет... Мама мне всегда говорила: «Выбирай того, с кем надежно». Но мама прожила с папой тридцать лет и теперь пьет антидепрессанты. Может, надежность — это переоцененная штука?

— Или мы просто не умеем ею пользоваться, — заметила Света. — Мы как дети, которым подарили дорогую скрипку, а мы хотим на ней в футбол играть.

В этот момент дверь салона открылась, и вошел Илья. Он был в помятой льняной рубашке, с темными кругами под глазами, но с той самой искрой в глубине зрачков, которая заставляла Свету выпрямлять спину.

— Привет, Света. Есть минутка? — спросил он.

Света почувствовала, как внутри всё сжалось в тугую узел.

— Вообще-то у меня запись через пять минут, Илья.

— Я быстро. Просто хотел занести... — он замялся, что было на него не похоже. — В общем, я видел тебя вчера в том итальянском ресторане. Ты была с каким-то парнем.

Света застыла.

— И? Ты следишь за мной?

— Нет, просто проходил мимо окон. Вы выглядели как реклама страховой компании. Все так... чинно-благородно.

— Тебе-то что? — Света почувствовала, как в ней закипает защитная реакция.

— Ничего. Просто... — Илья шагнул ближе. От него пахло кофе и чем-то острым, мужским, совсем не так, как от Артема. — Тебе не шло это выражение лица, Света. Ты выглядела так, будто тебя заставляют учить таблицу умножения в отпуске.

Он развернулся и вышел, не дожидаясь ответа.

Света осталась стоять посреди салона. Лена смотрела на неё, широко раскрыв глаза.

— Ого, — прошептала администратор. — Вот это был заход.

А Света чувствовала, как внутри неё рушится карточный домик «правильной жизни», который она так старательно строила вчера весь вечер. Илья, со всей его непредсказуемостью и наглостью, попал в самую точку.

Она выглядела как реклама страховой компании.

Безопасно. Надежно. Но абсолютно безжизненно.

Она подошла к своему рабочему столу, достала флакон ярко-красного лака и с вызовом посмотрела на свое отражение.

«Ну что, Света», — подумала она. — «Похоже, "хорошее начало" закончилось раньше, чем ты ожидала».

Она знала, что Артем сегодня напишет. И она знала, что ответит ему. Но прямо сейчас ей нужно было сделать этот маникюр — этот кричащий, вызывающий красный, который не оставляет места для предсказуемости.

Потому что, в конце концов, форма должна соответствовать содержанию. А её содержание сегодня было каким угодно, только не бежевым.

Весь день Света работала как в тумане. Клиентки приходили и уходили, рассказывали свои истории, но она слышала только обрывки.

«Он мне говорит: "Я тебя люблю", а сам даже мусор не вынес...»

«...и представляешь, купил мне кольцо, а оно на два размера больше! Он вообще на мои руки смотрел хоть раз?»

«...а мой — золото. Тихий, спокойный. Сидит себе в гараже, никого не трогает. Скучно, конечно, зато нервы целы».

Света думала о том, как много женщин выбирают «гараж», чтобы просто не чувствовать боли. И как много других ищут боли, чтобы чувствовать себя живыми.

Вечером, когда салон опустел, Света осталась одна. Она выключила верхний свет, оставив только лампу над своим столом. В этом круге света её руки казались чужими. Красный лак горел, как предупреждающий сигнал светофора.

Она достала телефон. Сообщение от Артема висело в уведомлениях.

«Привет, Света. Подумал, может, сходим в субботу на выставку маринистов? Мне кажется, тебе понравится».

Выставка маринистов. Море, заключенное в рамы. Безопасные волны, которые никогда не намочат твои туфли.

Света начала печатать ответ: «Артем, ты замечательный человек, но...»

Она стерла. Слишком банально.

«Артем, мне кажется, мы ищем разные вещи...»

Снова стерла.

Она вспомнила слова Ильи: «Тебе не шло это выражение лица».

Она закрыла глаза и представила себе свою жизнь через пять лет с Артемом. Каждое утро — овсянка. Каждые выходные — парусники или маринисты. Каждый секс — по расписанию, после вечерних новостей. И всё это будет сопровождаться его доброй, понимающей улыбкой. Он никогда не обидит её. Никогда не предаст. Он просто... медленно задушит её своей правильностью.

Света вздохнула и написала:

«Артем, спасибо за предложение. Но я боюсь, что я не та девушка, которая оценит тишину выставочных залов. На самом деле я гораздо хаотичнее, чем показалась вчера. Давай оставим наше свидание как приятное воспоминание о хорошем вечере».

Она нажала «отправить» и почувствовала, как в груди стало легче. Это было первое честное решение за долгое время. Она не пыталась «довести до идеала» ситуацию. Она оставила её такой, какая она есть — несовершенной и законченной.

Через минуту пришел ответ:

«Я понял. Жаль, но я уважаю твою честность. Удачи тебе, Света. Если вдруг заболит зуб — ты знаешь, где меня найти».

Света улыбнулась. Даже в отказе он остался безупречным.

Она вышла из салона, вдыхая прохладный ночной воздух. Город шумел, мигал огнями, жил своей хаотичной, неправильной жизнью. Где-то там был Илья, где-то были сотни других мужчин и женщин, совершающих ошибки, влюбляющихся не в тех и ищущих свою «искру» в темноте.

Света посмотрела на свои красные ногти. Они блестели под светом фонарей.

«Мужчина с хорошим началом», — подумала она. — «Это как база, которая не подошла. Она хорошая, дорогая, качественная. Но на моих ногтях она не держится».

Она пошла к метро, чувствуя себя странно свободной. Она еще не знала, куда приведет её этот путь, но одно знала точно: она больше не хочет казаться лучше, чем она есть на самом деле.

Она хочет быть собой. Даже если это означает, что её жизнь иногда будет выглядеть как неудачный маникюр — с заусенцами, трещинами и слишком ярким цветом, который не всем нравится.

Ведь в конце концов, самое важное — это не то, как на тебя смотрят другие. А то, как ты чувствуешь себя на кончиках собственных пальцев.

Света вошла в вагон метро и села напротив зеркального стекла. В отражении она увидела женщину, которая только что отказалась от «идеального будущего».

А что, если я совершила огромную ошибку? — спросил внутренний голос. — *Что, если Артем был моим последним шансом на нормальность?*

Света посмотрела на свои руки. Красный лак. Цвет вызова. Цвет жизни.

Нормальность — это не отсутствие проблем, — ответила она самой себе. — *Нормальность — это когда ты не врешь себе, глядя в зеркало.*

Она достала наушники и включила музыку. Что-то быстрое, ритмичное, сбивчивое. Как её собственное сердце.

Она знала, что впереди еще много глав. Будут новые свидания, новые ошибки и, возможно, новые парусники, которые она решит не строить. Но сегодня она сделала главный выбор.

Она выбрала не «хорошее начало». Она выбрала себя.

И когда поезд нырнул в тоннель, Света впервые за долгое время почувствовала, что она не просто едет по рельсам, которые проложил для нее кто-то другой. Она сама вела этот поезд. И пусть она не знала конечной станции, сам процесс движения наконец-то начал приносить ей удовольствие.

Она закрыла глаза и представила запах моря. Не того, что на картинах маринистов, а настоящего. Соленого, непредсказуемого и опасного. Того моря, в котором нельзя просто собрать модель парусника. В котором нужно уметь плавать.

И Света чувствовала, что она готова учиться.

Глава 4: Он на диване (и не пытается понравиться)

Вторник в салоне «Nail Psychology» всегда пахнет одинаково: смесью дезинфектора «Аламинол», свежемолотого кофе, который администратор Леночка пьет литрами, и едва уловимым ароматом женского отчаяния. Отчаяние в этот раз пришло в образе Кристины, постоянной клиентки, которая каждые две недели меняет форму ногтей, надеясь, что вместе с «миндалем» на «четкий квадрат» сменится и её личная жизнь.

Света работала сосредоточенно. Её пилка двигалась в ритме метронома. Вжик-вжик. Вжик-вжик. Это был её личный дзен. Когда ты подпиливаешь свободный край ногтя, мир кажется управляемым. Здесь нет неопределенности. Есть только абразивность 180 grit и твоя способность создать симметрию там, где природа немного схалтурила.

— Светик, а может, всё-таки красный? — Кристина заглянула в глаза Светлане так, будто та была верховной жрицей, решающей судьбу урожая. — Говорят, красный цвет активизирует мужское внимание. В инстаграме (*Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ) у одного психолога читала, что мужчины подсознательно считают красный как сигнал к размножению.

Света вздохнула, не поднимая глаз. В её голове мгновенно включился внутренний голос, звучащий точь-в-точь как Ростислав Хаит из «Квартета И».

«Вот интересно, — подумал голос, — если мужик считает красный лак как сигнал к размножению, то что он считает, когда видит синий? Что женщина — аватар? Или что она просто замерзла? И почему мы вообще решили, что мужик в этот момент что-то «считывает», кроме мысли: «О, ногти. Главное — не зацепить ими диван»?»

— Кристин, — мягко сказала Света, — красный — это классика. Но если ты хочешь, чтобы он считывал сигнал, лучше просто сказать ему об этом ртом. Словами.

— Ну нет, это слишком просто, — фыркнула Кристина. — В этом нет магии. Должна быть загадка. А красный лак «Red Dragon» от CNI — это почти приворотное зелье.

В этот момент колокольчик над входной дверью звякнул, впуская порцию холодного уличного воздуха и ЕГО.

Света не сразу поняла, что произошло. Обычно мужчины в их салоне делятся на три категории:

1. «Муж-курьер» — заносит забытые ключи/кошелек и стремительно убегает, будто боится заразиться розовым цветом.

2. «Подкаблучник обыкновенный» — сидит на краешке кресла, уткнувшись в телефон, и делает вид, что его здесь нет.

3. «Альфа-самец в ожидании» — стоит у ресепшена, демонстративно смотрит на часы за сто тысяч рублей и всем своим видом показывает, что минута его времени стоит дороже, чем весь этот салон вместе с мебелью.

Этот вошел иначе. На нем было помятое пальто цвета мокрого асфальта, обычные джинсы и кроссовки, которые видели лучшие времена, но были идеально чистыми. Он не пах дорогим парфюмом, перебивающим запах мономера. Он пах ветром и чем-то очень спокойным.

— Добрый день, — сказал он Леночке. — Я за Леной. У неё запись закончилась?

— Ой, Илья! — Леночка расцвела. — Она еще заканчивает педикюр, там сложный случай. Минут пятнадцать, присядешь?

Он кивнул и направился к дивану. К тому самому бархатному дивану цвета пыльной розы, на котором обычно клиентки фотографируют свои новые ногти для сторис. Он сел не на край, не зажато, а вполне удобно. Откинулся на спинку, огляделся.

Его взгляд встретился со взглядом Светы. Она тут же уткнулась в пальцы Кристины, чувствуя, как внутри что-то предательски ёкнуло. Не то «ёканье», которое бывает от адреналинового шторма с очередным «плохим парнем», а странное чувство узнавания. Будто она увидела в толпе человека, который читает ту же книгу, что и она, на той же странице.

Илья (теперь у него было имя) не стал доставать телефон. Это было первым ударом по системе. Человек в 2024 году, который просто сидит и ждет, не пытаясь заполнить пустоту лентой новостей — это либо маньяк, либо философ, либо кто-то очень уверенный в себе.

— Девушки, а вы не боитесь? — вдруг негромко спросил он, глядя на то, как Кристина мучительно выбирает между «классическим красным» и «красным с микрошиммером».

Кристина обернулась, сверкнув глазами. Мужское внимание, даже от незнакомца в помятом пальто, было её топливом.

— Чего боимся? — кокетливо спросила она.

— Того, что вы построите идеальный фасад, а когда мужчина решит зайти внутрь, там окажется... ну, пустоватая комната с незаконченным ремонтом? — Он улыбнулся. Улыбка была не ослепительной, а скорее понимающей. — Вы сейчас так серьезно обсуждаете оттенок лака, будто это код от сейфа с вечным счастьем.

Света почувствовала, как внутри неё просыпается азарт. В ней заговорил профессиональный защитник «женских штучек», смешанный с той самой психологической глубиной, которую она в себе так лелеяла.

— Это не код от сейфа, — ответила она, не прекращая наносить базу. — Это доспехи. Женщине иногда нужно чувствовать, что у неё хотя бы кончики пальцев в идеальном порядке, когда всё остальное в жизни идет прахом.

Илья повернул голову к ней. Его глаза были серо-зелеными, как море перед грозой.

— Доспехи? Интересно. То есть, если у вас «френч», вы чувствуете себя защищенной от плохих новостей? Или от мужчин, которые не ценят ваш внутренний мир?

— От мужчин, которые не замечают деталей, — парировала Света. — Если он не заметил, что я сменила форму с овальной на миндаль, значит, он не заметит и того, что у меня грустные глаза.

Илья тихо рассмеялся. Это был приятный звук.

— Или это значит, что он просто мужчина. Мы ведь устроены проще. Мы видим образ в целом. «Красивая женщина». Точка. А «миндаль» там или «стилет» — это как для вас марка карбюратора в его машине. Если машина едет и она чистая — она хорошая.

«Опа! — закричал внутренний голос Светы. — Слышали? Марка карбюратора! Это же классика! Он сейчас еще скажет, что путь к сердцу лежит через желудок, и мы закроем бинго банальностей».

Но Илья не продолжил в том же духе. Он внимательно посмотрел на Свету — не на её декольте, не на её прическу, а именно на то, как она держит кисть.

— У вас очень точные движения, — заметил он. — Вы, наверное, в детстве любили конструкторы? Или рисовали мелкие детали?

Света замерла. Откуда он узнал? Она действительно обожала собирать пазлы на две тысячи деталей и могла часами раскрашивать крошечные домики в раскрасках-антистресс.

— Я люблю контроль, — честно призналась она, удивляясь собственной откровенности перед незнакомцем. — В маникюре всё предсказуемо. Если ты соблюдаешь технологию, результат будет идеальным. С людьми технология не работает.

— Работает, — возразил Илья. — Просто инструкции часто написаны на другом языке, а мы ленимся учить грамматику. Или, что чаще, мы читаем инструкцию от одного прибора, пытаясь починить другой. Пытаемся применить правила «роковой любви» к человеку, которому просто нужно, чтобы его выслушали.

Кристина, которая до этого слушала их с открытым ртом, вставила:

— А вы, Илья, наверное, психолог? Уж больно складно говорите.

— Хуже, — усмехнулся он. — Я архитектор. Я привык, что если фундамент заложен криво, то никакие золотые ручки на дверях здание не спасут. Оно рухнет. Раньше или позже.

Света почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это было именно то, о чем она думала последние полгода, глядя на свои отношения с Артемом. Артем был воплощением «золотых ручек». Он был ярким, громким, дарил огромные букеты роз (которые вяли через два дня) и устраивал сцены ревности, которые Света по глупости принимала за страсть. Но фундамента не было. Была только красивая картинка, которую она сама же и дорисовывала в своем воображении, как ретушер в фотошопе.

— А если фундамент — это страсть? — спросила Света, бросая ему вызов. — Разве на этом нельзя построить небоскреб?

— На страсти можно построить только палатку, — спокойно ответил Илья. — В ней жарко, весело, но при первом же серьезном дожде вы промокнете. Для небоскреба нужно что-то поскучнее. Доверие, общие ценности, умение молчать вдвоем.

— Скука — это смерть для любви, — отрезала Кристина, выбирая наконец «Red Dragon». — Любовь должна обжигать!

Илья посмотрел на Кристину с легкой грустью.

— Обжигает обычно то, что горит. А когда всё сгорает, остается пепел. И вы снова идете в салон за новым «огненным» лаком, чтобы почувствовать себя живой. Это ведь дофаминовая петля, разве нет?

В салоне повисла тишина. Даже звук работающей вытяжки, казалось, стал тише. Леночка на ресепшене перестала жевать жвачку.

Света смотрела на Илью. Он сидел на этом розовом диване, совершенно не вписываясь в интерьер, и при этом выглядел более настоящим, чем всё остальное в этой комнате. Он не пытался понравиться. Он не расправлял плечи, не понижал тембр голоса, не пытался шутить искрометно. Он просто говорил то, что думал.

«Боже мой, — подумала Света. — Он же анти-герой. В смысле, он не тот герой, которого мы заслужили, но тот, который нам нужен. Он как горькое лекарство. Или как мастер, который говорит: «Девушка, ваши ногти в ужасном состоянии, их нельзя покрывать гель-лаком, их надо лечить». И ты его ненавидишь за правду, но понимаешь, что он прав».

— Вы так говорите, будто любовь — это проектная документация, — сказала Света, стараясь вернуть беседе ироничный тон. — А как же... магия? Искры? Бабочки в животе?

— Бабочки в животе — это часто просто симптом тревожного расстройства, — улыбнулся Илья. — Организм сигнализирует об опасности, а мы называем это влюбленностью. Нам кажется, что если нас «трясет» рядом с человеком, то это ОН. А на самом деле это просто страх быть отвергнутым или неуверенность.

Света почувствовала, как её психологические защиты начинают трещать по швам. Это было слишком метко. Её последние три романа были сплошным энтомологическим справочником — столько там было «бабочек». И каждый раз это заканчивалось тем, что «бабочки» оказывались молью, которая сжирала её самооценку.

— И что же, по-вашему, «здоровая» любовь — это когда в животе тишина, как в морге? — спросила она с вызовом.

— Нет. Это когда в животе тепло и спокойно. Как после хорошего обеда в кругу друзей. Когда тебе не нужно притворяться, не нужно втягивать живот или выбирать правильный оттенок лака, чтобы тебя заметили. Тебя уже заметили. И ты уже ценна. Просто потому, что ты есть.

Кристина шмыгнула носом.

— Звучит как-то... скучно.

— Скучно, — согласился Илья. — Как чистая вода. В ней нет вкуса кока-колы, нет пузырьков, нет сахара. Но именно она утоляет жажду. А от колы хочется пить еще больше.

В этот момент из кабинета педикюра вышла Лена — сестра Ильи. Она была старше его на пару лет, такая же спокойная и внимательная.

— Илья, прости, задержалась. Готов?

— Всегда готов, — он поднялся с дивана. Поправил пальто. — До свидания, дамы. Удачи с «Красным драконом». Надеюсь, он принесет вам то, что вы действительно ищете.

Он ушел. Колокольчик звякнул, и дверь закрылась.

В салоне стало неестественно тихо. Кристина смотрела на свои руки, будто видела их впервые. Леночка на ресепшене задумчиво вертела в руках ручку.

— Ну и тип, — наконец выдавила Кристина. — Зануда, да?

— Наверное, — ответила Света, но её рука дрогнула.

Она допустила ошибку. Нанесла цвет слишком близко к кутикуле, и капля лака начала затекать в боковой валик. Света быстро схватила апельсиновую палочку и начала исправлять оплошность.

«Вот оно, — подумал внутренний голос. — Тот самый «неидеальный момент». Пришел человек, посидел десять минут, ничего не сделал, даже номер телефона не попросил. А ты уже затекла. В смысле, лак затек. И мысли затекли не туда».

Света понимала, что Илья был прав. Каждое его слово попадало в болевую точку. Она вспомнила свои свидания из Тиндера. Эти бесконечные «смотрины», где каждый пытается продать лучшую версию себя. Мужчины рассказывают о своих достижениях, она демонстрирует свою эрудицию и «легкость». Это как две рекламные брошюры, которые пытаются договориться о слиянии компаний. А потом они приходят домой, снимают маски (и пуш-ап), и обнаруживают, что им не о чем говорить.

А Илья... Он был без маски. Его помятое пальто и спокойные рассуждения о фундаменте были его настоящим лицом. И это пугало. Потому что рядом с таким человеком придется тоже снять маску. А Света не была уверена, что ей понравится то, что под ней.

— Светик, ты чего замерла? — Кристина обеспокоенно посмотрела на неё. — Мы сегодня закончим? У меня свидание в семь. С Артуром, помнишь? Он обещал сюрприз.

Света тряхнула головой, прогоняя наваждение.

— Да, извини. Сейчас доделаем.

Она нанесла топ, просушила ногти в лампе и нанесла масло на кутикулу. «Red Dragon» горел на пальцах Кристины как сигнал «Стоп».

— Знаешь, — сказала Кристина, разглядывая результат. — А ведь он прав был. Про доспехи. Я когда с этими ногтями, я прямо чувствую: я — королева. А когда снимаю... ну, просто Кристина. Из бухгалтерии.

Света улыбнулась, но в душе у неё скребли кошки.

— Мы все в каком-то смысле из бухгалтерии, Кристин. Просто кто-то считает цифры, а кто-то — свои разочарования.

Когда Кристина ушла, Света подошла к Леночке.

— А этот Илья... он часто к сестре заходит?

Леночка хитро прищурилась.

— А что, понравился наш «профессор»? Он редко бывает, обычно Лена сама к нему заезжает. Он какой-то там крутой реставратор старых зданий. Вечно в чертежах и пыли. Но если хочешь, я могу узнать, когда он будет в следующий раз.

— Нет, не надо, — быстро сказала Света. — Просто... он странный.

— Не странный, а нормальный, — отрезала Леночка. — Сейчас это часто путают. Мы так привыкли к неадекватам, что нормальный человек кажется нам пришельцем с Марса.

Света вернулась к своему рабочему месту. Она взяла антисептик и начала протирать стол. Пшик-пшик. Пшик-пшик.

«Вот представь, — снова заговорил внутренний голос Хаита. — Ты встречаешь мужчину. Он не дарит тебе сто роз. Он не пишет тебе «ты моя богиня» через три часа после знакомства. Он просто говорит: «У тебя в ванной кран течет, давай починю». И ты такая: «Фу, где романтика? Где страсть? Где эмоциональный абьюз, в конце концов?! Я что, зря три года на психотерапию ходила?»

Света усмехнулась своим мыслям. Она понимала, что её тянет к Илье именно потому, что он не предлагал игру. А она была профессиональным игроком в «Любовь по правилам и без». Она знала все ходы: когда промолчать, когда загадочно улыбнуться, когда не ответить на сообщение в течение четырех часов, чтобы «подогреть интерес».

Илья же просто сел на диван и разрушил всю её игровую площадку одной фразой про бабочек в животе.

Вечером, закрывая салон, Света долго смотрела на свои руки. У неё был безупречный нюд. Почти незаметный, имитирующий натуральный ноготь, только лучше. Она всегда выбирала такой стиль — чтобы казаться естественной, прилагая к этому максимум усилий.

Она вышла на улицу. Было прохладно, пахло осенью и жженой листвой. Света пошла к метро, и вдруг её взгляд упал на здание на углу, которое стояло в лесах. На табличке было написано: «Реставрация памятника архитектуры. Главный архитектор проекта — И. А. Соколов».

— И. А. Соколов, — прошептала она. — Илья?

Она остановилась и долго смотрела на облупившийся фасад, который люди в касках пытались спасти от разрушения. Они счищали слои старой краски, обнажая настоящую лепнину. Они не наклеивали пластиковый декор сверху, они восстанавливали то, что было заложено изначально.

«Фундамент, — вспомнила она его слова. — Если фундамент заложен криво, здание рухнет».

Света достала телефон. В списке контактов был Артем. Она знала, что он напишет сегодня. Напишет что-то вроде: «Малыш, соскучился, давай ко мне?» И она знала, что если она поедет, завтра утром ей будет плохо. Не физически, а как-то... экзистенциально. Как будто она снова съела фастфуд, когда организму нужна была чистая вода.

Она заблокировала контакт Артема. Медленно, осознанно. Без драмы и слез. Просто нажала кнопку.

Это было маленькое начало. Первый кирпичик в новом фундаменте.

Она не знала, увидит ли она Илью снова. Мир — большой город, и вероятность встретить человека на диване в розовом салоне дважды стремиться к нулю. Но это было уже неважно. Важно было то, что зеркало, которое он ей подставил, больше нельзя было развидеть.

«Вот так всегда, — подытожил внутренний голос. — Один зануда на диване — и всё, прощайте, «Красные драконы». Здравствуй, скучная взрослая жизнь, где ногти — это просто ногти, а любовь — это когда тебе не нужно доказывать, что ты существуешь».

Света улыбнулась и зашагала к метро. Впервые за долгое время ей не хотелось, чтобы её кто-то «выбирал». Ей было достаточно того, что она выбрала себя сама.

Вечерний город жил своей жизнью. Тысячи женщин несли на своих пальцах «доспехи» разных цветов. Тысячи мужчин смотрели на них и не видели «миндаль» или «квадрат». Все они участвовали в огромном, сложном танце иллюзий, где каждый боялся признаться, что в комнате с ремонтом может быть просто пусто.

Света зашла в вагон метро и увидела свое отражение в темном стекле. Она выглядела спокойной. Почти как Илья на том диване. Она не поправила прическу, не достала помаду. Она просто стояла и смотрела, как мимо проносятся огни туннеля, понимая, что иногда самый

важный диалог в твоей жизни может произойти с человеком, который даже не пытался с тобой заговорить.

Дома она заварила чай. Без сахара. Чистый, крепкий черный чай. Села на подоконник и начала смотреть на огни ночного города.

В голове крутились фразы из «Квартета И», которые она так любила:

«А почему мы думаем, что если всё сложно, то это по-настоящему? Почему мы не верим в простоту? Наверное, потому что в простоте не за что спрятаться. В ней ты весь на виду. Как голый. А в «сложностях» — там и декорации, и костюмы, и интрига. Там ты — герой драмы. А в простоте ты — просто человек».

Света посмотрела на свои ногти. «Идеальный нюд».

Может быть, — подумала она, — пора перестать делать «лучше, чем есть»? Может, пора просто быть?

Она взяла блокнот и записала: «Фундамент — это не про страсть. Это про то, сможешь ли ты прожить с этим человеком неделю в пустой квартире без интернета и не сойти с ума».

Она вспомнила взгляд Ильи. Он смотрел на неё не как на «мастера маникюра», а как на человека, который зачем-то занимается микроскопическим контролем в мире, который рушится.

— Ну что ж, Илья Андреевич Соколов, — негромко сказала она в пустоту комнаты. — Спасибо за консультацию. С меня причитается.

Она еще не знала, что через три дня Илья вернется в салон. Но не за Леной. Он вернется, потому что «забыл» там книгу. Книгу, которую он специально оставил под розовой подушкой на диване. И на 42-й странице этой книги будет лежать его визитка с короткой припиской: «Для мастера точных движений. Если захотите обсудить архитектуру бабочек».

Но это будет потом. А пока Света просто пила чай и впервые за долгое время чувствовала, что ей не нужно никуда бежать, не нужно никому нравиться и не нужно красить мир в красный цвет, чтобы почувствовать себя живой.

Жизнь была здесь. В этом тихом вечере, в запахе чая и в осознании того, что «идеальный френч» — это всего лишь слой полимера, а настоящая она — гораздо глубже, сложнее и интереснее любых доспехов.

Глава 5. Химия, которой нет

Утро в салоне «Миндаль и Нюд» всегда пахло одинаково: смесью дезинфектора, свежесваренного кофе из соседней кофейни и едва уловимым, но вездесущим запахом акриловой пыли. Для Светы этот запах был запахом контроля. Когда она надевала маску и включала аппарат, хаос внешнего мира — неоплаченные счета, непрочитанные сообщения в Тиндере и экзистенциальный кризис «мне скоро тридцать, а я всё еще не знаю, кем стану, когда вырасту» — отступал. Здесь, в круге света от настольной лампы, всё было логично. Есть заусенец — его надо убрать. Есть неровная ногтевая пластина — её надо выровнять базой. Есть желание клиента — его надо исполнить, даже если это неоновый градиент на квадратных ногтях в середине ноября.

Первой клиенткой была Марина — постоянная гостья, которая каждые две недели приносила с собой новую драму. Марина была из тех женщин, чья жизнь напоминала сериал на турецком телевидении: много слез, криков, красивых жестов и абсолютно нулевой здравый смысл.

— Светик, ты не представляешь, — Марина драматично вздохнула, подставляя руку под пилочку. — Мы расстались. Опять. На этот раз окончательно. Он заблокировал меня везде, даже в банковском приложении. Представляешь, я ему перевела рубль с сообщением «ты подлец», а он заблокировал входящие переводы!

Света привычно кивнула, сохраняя на лице выражение мягкого сочувствия.

— И как ты? — спросила она, аккуратно отодвигая кутикулу.

— Ужасно! — Марина просияла. — Но, Боже, какая между нами была химия! Это же просто искры летели. Когда он заходил в комнату, у меня ладони потели и сердце в пятки уходило. Я дышать не могла. Вот это я понимаю — чувства. А сейчас... пустота. Сделай мне, кстати, «черный принц», под настроение. Чтобы прямо как бездна.

Света начала наносить темный лак, а в голове у неё эхом отозвались слова Марины. *«Ладони потели, сердце в пятки, дышать не могла»*. На прошлой неделе она трижды виделась с Ильей. И за эти три раза её пульс ни разу не превысил норму. Ладони оставались сухими. Она дышала ровно, глубоко и — что самое подозрительное — спокойно.

С Ильей всё было... никак. В том смысле, что с ним не нужно было играть в «угадай, почему я обиделся» или «кто первый напишет после свидания». Он просто был. Звонил, когда обещал. Приходил вовремя. Слушал, не перебивая. И Света, воспитанная на классике русского рока и голливудских мелодрамах, чувствовала подвох. Где надрыв? Где битая посуда? Где, в конце концов, та самая пресловутая искра, о которой пишут во всех пабликах с цитатами?

«Если нет искры, значит, это не оно», — авторитетно заявлял внутренний голос Светы, подозрительно похожий на голос её подруги Вики, которая коллекционировала абьюзеров как редких покемонов.

— Вот скажи мне, Светик, — продолжала Марина, разглядывая свой «черный принц», — почему нас тянет к таким подонкам? Ведь есть же нормальные парни. Вон, у меня сосед — золото. Цветы поливает, когда я уезжаю, собаку мою выгуливал, когда я с гриппом валялась. Но... ну не торкает! Никакой химии. Смотрю на него и думаю: «Господи, какой ты замечательный, уйди, пожалуйста, не порти мне настроение своей идеальностью».

Света запечатала топ в лампе и грустно улыбнулась.

— Наверное, мы просто привыкли, что любовь — это когда больно. А когда не больно — это скучно.

После ухода Марины наступило обеденное затишье. Света вышла на задний двор салона, где среди пустых коробок из-под расходников и чахлого куста сирени стояла старая скамейка. Она достала телефон. Сообщение от Ильи: *«Привет. Буду проезжать мимо твоего салона в

районе двух. Выйдешь на пять минут? Привезу тот дурацкий кофе с лавандой, о котором ты говорила»*.

Света посмотрела на часы. 13:50. Внутри не шевельнулось ничего, кроме легкого чувства неловкости. Ей было приятно, да. Но это было «приятно» того же рода, что и найти в кармане куртки сто рублей или увидеть, что курьер приехал на десять минут раньше. Удобно. Стабильно. Пресно.

Ровно в два часа у входа припарковался серый внедорожник. Илья вышел из машины — в джинсах, простом джемпере, с легкой щетиной. Он не выглядел как герой её девичьих грез. Герой грез должен был выходить из тумана, желательно на мотоцикле, с тяжелым взглядом и шлейфом какой-нибудь нерешенной психологической травмы. Илья же просто улыбнулся и протянул ей стаканчик.

— Держи. Без сахара, с двойной лавандой, как ты любишь. Или как ты думаешь, что любишь, — он прислонился к капоту, глядя на неё с той самой ироничной теплотой, которая её одновременно и притягивала, и пугала.

— Спасибо, — Света сделала глоток. Кофе был идеальным. — Почему ты сказал «думаешь, что любишь»?

— Потому что лаванда в кофе — это как статус в соцсетях, — Илья усмехнулся. — Вроде бы красиво и необычно, но на самом деле просто перебивает вкус нормального зерна. Ты любишь сложные конструкции, Света. В напитках, в людях, в маникюре.

Света почувствовала, как в ней просыпается дух противоречия. Та самая «квартетовская» манера докапываться до сути вещей, когда обычный разговор о кофе превращается в философский диспут.

— А что плохого в сложностях? Сложность — это глубина. Это нюансы. Без нюансов жизнь превращается в инструкцию к микроволновке. Нажал кнопку — погрел. Скучно же.

— Скучно или безопасно? — Илья внимательно посмотрел на неё. — Знаешь, я вчера смотрел один старый фильм. Там герой говорит: «Люди путают любовь с несварением желудка». Когда у тебя крутит в животе от одного вида человека — это не близость. Это сигнал тревоги. Твой мозг орет: «Опасно! Непредсказуемый объект! Беги или сражайся!». А ты стоишь и думаешь: «О, боже, это искра!».

Света рассмеялась, хотя ей было не очень смешно.

— Ты сейчас звучишь как психолог-самоучка из Инстаграма (*Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ). А как же страсть? Как же то чувство, когда земля уходит из-под ног?

— Земля должна быть под ногами, Света. На ней стоять удобнее. А когда она уходит — это землетрясение. После него обычно остаются руины, которые потом приходится разгребать годами. Ты ведь профи по ногтям, верно? Ты же не делаешь клиентке маникюр, пока у неё грибок или воспаление? Ты сначала лечишь. А в отношениях ты почему-то ищешь именно воспаление. Чтобы горело, пульсировало и мешало жить.

Они помолчали. Мимо прогрохотал трамвай, обдав их облаком пыли. Света крутила стаканчик в руках.

— Илья, ты классный. Правда. Ты умный, ты надежный, ты... — она замялась, подбирая слово.

— Я скучный? — договорил он за неё, ничуть не обидевшись.

— Нет. Не скучный. Просто... между нами нет этой самой... химии. Ну, ты понимаешь. Искры. Чтобы внутри всё перевернулось.

Илья отошел от машины и сделал шаг к ней. Не угрожающе, а просто сокращая дистанцию. Света невольно затаила дыхание. Нет, пульс не подскочил. Но стало очень тихо.

— А ты уверена, Света, что тебе нужна искра? — его голос стал тише. — Искра — это мгновение. Пшик — и погасло. От искры можно прикурить сигарету, но ей нельзя согреть

дом. Ты всю жизнь ищешь пожар. Чтобы полыхало, чтобы дым коромыслом, чтобы пожарные машины с сиренами. Но в пожаре нельзя жить. В нем можно только сгореть.

Он коснулся её ладони — коротко, кончиками пальцев. Света отметила про себя, что у него очень теплые руки. И никакого тока. Никакого удара в 220 вольт. Просто тепло.

— Ты путаешь спокойствие с отсутствием интереса, — продолжал Илья. — Тебе кажется, что если тебя не трясет, значит, ничего не происходит. А на самом деле, это первый раз в твоей жизни, когда тебе не нужно защищаться. И именно это тебя пугает больше всего. Тебе не за что зацепиться, чтобы начать свою привычную игру «спаси меня или брось меня».

Света открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. В его словах было слишком много правды, той самой «неудобной» правды, которую обычно прячут за ироничными шутками и обсуждением новых коллекций лаков.

— Ладно, — Илья отстранился и снова стал обычным собой. — Кофе допивай, а то остынет. Лаванда в холодном виде — это вообще преступление против человечества. Увидимся в пятницу? Я забронировал столик в том месте, где нет живой музыки и пафосных официантов. Просто нормальная еда. Попробуем обойтись без спецэффектов?

— Попробуем, — тихо ответила Света.

Он уехал, а она еще долго стояла на крыльце, глядя на пустой стаканчик. В голове крутился воображаемый диалог из спектакля «Квартета И».

— Вот скажи, — спрашивает воображаемый Леша, — почему, когда он говорит правильные вещи, мне хочется зевнуть, а когда какой-нибудь мудак присылает «mmm, ясно» в ответ на мое длинное признание, я готова три часа анализировать это «mmm» с подругами?

— Потому что «mmm» — это загадка, — отвечает воображаемый Слава. — А правильные вещи — это как инструкция к освежителю воздуха. Всё понятно, но читать не тянет.

Света вернулась в зал. Следующей клиенткой была Жанна — женщина-вамп пятидесяти лет, которая трижды была замужем и каждый раз «по большой любви и с грандиозным скандалом».

— Светочка, радость моя, — пропела Жанна, усаживаясь в кресло. — Видела я твоего кавалера в окно. Ну... что сказать. Вид имеет солидный. Но глаз не горит. Не горит у него глаз, понимаешь? Нет в нем бесовщинки.

— А бесовщинка — это обязательно? — спросила Света, включая аппарат.

— Обязательно! — Жанна всплеснула руками. — Мужчина должен быть как хорошее шампанское — бить в голову и оставлять легкое похмелье. А этот твой... он как минералка. Полезно, чистенько, но праздника нет.

«Минералка», — подумала Света. Точное определение. Но почему-то именно сейчас ей, после многолетнего запоя из «шампанского» сомнительного качества, ужасно хотелось пить. Просто пить чистую воду. Но признаться в этом даже самой себе было страшно. Это означало признать, что все её предыдущие «великие романы» были просто сериями алкогольных отравлений.

Весь оставшийся день прошел под знаком этого разговора. Света ловила себя на том, что сравнивает Илью со своими бывшими.

Вот Денис. Диджей, вечно в долгах, вечно в поиске «своего звука». Искра? О да! Весь год их отношений был одной сплошной искрой. Она никогда не знала, придет он ночевать или исчезнет на трое суток, чтобы потом появиться с букетом пожухлых ромашек и историей о том, как он спасал котенка в Химках. Её трясло. Её колотило. Она плакала в туалете салона, а потом выходила и делала идеальный френч. Это была «химия». Но если присмотреться — это была просто затяжная паника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.